

**Филатов В.В.
(Магнитогорск)**

Влияние партийных органов на правоохранные структуры на Урале во второй половине 1920-х–1930-е гг.

В ходе изучения как в школе, так и в вузе истории советской России в годы формирования и утверждения сталинского режима важно обратить внимание аудитории на проблему воздействия комитетов Коммунистической партии на деятельность суда и прокуратуры. Данное исследование позволит понять роль и значение компартии в советской политической системе особенно в период массовых репрессий.

Сложившаяся в СССР система органов управления предполагала особую роль Коммунистической партии. Хотя в Конституциях СССР 1924 и 1936 гг. прямо не говорилось о преференциях в отношении компартии, но по отдельным статьям можно судить о ее огромном влиянии на жизнь страны.

В неправовом государстве коммунистическая партия в лице Генерального секретаря ЦК ВКП(б), Политбюро ЦК ВКП(б) были выше закона. Они могли устанавливать «правила игры», исходя из перспектив коммунистического (социалистического) строительства и целесообразности текущего момента.

Ни одна структура власти не могла ослушаться мнения, указания, директивы или просто пожелания этих всемогущих реальных институтов власти. Поэтому партийные комитеты занимали особое место в принятии управленческих решений, в том числе касающихся деятельности юридических учреждений. Высшие партийные органы непосредственно, хотя и неконституционно, участвовали в правотворческом процессе. Отраслевые отделы ЦК партии готовили партийные постановления как собственные, так и совместные с конституционными органами власти.

А. Вышинский в одном из выступлений ссылался на слова И.В. Сталина, который говорил: «Мы, являясь правящей партией, не можем только бросать лозунги, что наши лозунги являются законами, которые должны немедленно выполняться». Этим самым Прокурор СССР указал на связь, существующую между партийными директивами и советскими законами (1).

Открытые и закрытые постановления ЦК ВКП(б), его Политбюро после некоторой доработки с учетом специфики инстанции, выпускавшей правовой документ, в будущем становились законами или действовали негласно, самостоятельно. Все проекты законов, предлагавшиеся наркоматами, и отдельные их циркуляры, инструктивные письма обязательно проходили согласование-экспертизу в отделах ЦК ВКП(б). Закрытые постановления Политбюро ЦК ВКП(б) по своей значимости были выше решений Совнаркома и ЦИКа.

Независимость прокуратуры и судов в СССР была относительной. Юридически данные органы не должны были подчиняться партийно-государственным структурам, но фактически решения этих инстанций становились обязательными для исполнения.

Особое место в структуре власти занимали органы безопасности. По своей значимости и роли в делах государства они стояли выше других правоохранительных структур. Их действия непосредственно регулировались И. Сталиным и Политбюро.

Исходя из специфической роли коммунистической партии, своеобразно строилась и правоприменительная практика. Правоприменение осуществлялось под руководством партийных комитетов. Каждый шаг органов юстиции направлялся и контролировался партийными структурами.

По мнению А. Вышинского, взаимоотношения органов прокуратуры с партийными органами должны были «строиться на началах партийного руководства и партийного контроля за направлением деятельности партийной части органов прокуратуры... с точки зрения ее соответствия требованиям партии, принципам партийного строительства, задачам социалистической стройки, борьбы с классовым врагом и т.п. Местные партийные руководящие органы вправе и обязаны руководить работой, проверять работу, исправлять допущенные органами прокуратуры ошибки с точки зрения политических задач органов юстиции как органов пролетарской диктатуры».

Однако, как отмечал Вышинский, «такое руководство и контроль со стороны партийных органов не должно... носить характер оперативного вмешательства в работу прокуратуры, а тем более вести к созданию для прокуратуры каких-либо препятствий в осуществлении ею возложенных на нее партией и правительством обязанностей» (2). В то же время на практике все получалось иначе.

Особенно в период массовых репрессий партийные работники действовали в тесном контакте с прокуратурой, избличая врагов народа, хотя сами были не застрахованы от попадания в черный список таких врагов. Правоохранительные органы оказывались порой по своей значимости выше местной партийной власти, подчиняясь указаниям высшей политической элиты.

В годы террора органы юстиции, НКВД стали орудием партии в борьбе с инакомыслящими, мифическими врагами народа и вредителями. Органы юстиции применяли лишь те нормы, которые держали в страхе и повиновении большую часть населения. Установки на применение широкомасштабных репрессий поступали из высших партийных структур.

Руководители органов юстиции рекомендовали своим сотрудникам активно взаимодействовать с партийными структурами. В докладе наркома юстиции РСФСР Н. Янсона на VI съезде прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР в феврале 1929 г. особо подчеркивалось, что «прокурорские и судебные органы должны, как непереносимое правило, наладить тесную связь с партийным комитетом, своевременно сигнализируя ему обо всех беспорядках, направленных против интересов советского государства» (3).

Особо значимо партийное влияние ощущали на себе судебные и прокурорские работники в период заготовки сельскохозяйственной продукции. Именно тогда, начиная с хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г., во всей полноте проявлялось давление на органы юстиции по принятию жесточайших мер к неплательщикам хлеба.

После выступлений партийного лидера Сталина в Сибири о применении 107 ст. УК РСФСР повсеместно развернулась антикулацкая кампания, в которую были втянуты и правоохранительные органы. Партийные руководители открыто призывали применять в чрезвычайных обстоятельствах к держателям хлеба особые репрессивные меры, что незамедлительно получило поддержку на местах.

Главным врагом в противодействии заготовкам в конце 1920-х гг. определялся кулак. Потому и в нижестоящие партийные организации поступали требования уже из обкома партии о применении жестких мер к неплательщикам хлеба. В письме окружком Уралобком ВКП(б) 7 февраля 1928 г. отмечал, что «обком считает необходимым подчеркнуть всю важность ряда мероприятий, связанных с

применением статьи 107 УК. Кулаков нужно поставить перед необходимостью вывоза хлеба применением 107 статьи» (4).

О влиянии парторганов на принятие решений советскими органами можно судить по заседанию бюро фракции ВКП(б) Уральского облисполкома в ноябре 1931 г. На этом бюро докладывали руководители Облзу и Уралплана. В решении говорилось: «Поручить Уралплану с привлечением сельскохозяйственной секции облРКИ в трехдневный срок закончить проработку плана сельскохозяйственной кампании на 1931 г., подготовить проект решения бюро обкома, о чем после заседания президиума Облика 28 ноября доложить бюро фракции (5).

При проведении хозяйственно-политических кампаний партийные комитеты следили за точным исполнением своих указаний. В феврале 1932 г. в секретариат Уралобкома поступила докладная записка о состоянии партийно-массовой работы Таборинского РК ВКП(б) в связи с проведением хозяйственно-политических кампаний в районе. В ней, в частности, отмечалось, что «судебно-карательная политика в начале кампании на службу в борьбе за хлеб поставлена не была, в общем количестве осужденных за хлеб кулаки занимают 48%, середняки 33% и должностные лица 19%. В ряде мест, как в Ефимовском сельсовете, проводили поголовные обыски, заготовка хлеба проводилась под сохранные расписки, происходило переобложение бедноты, дача им твердых заданий» (6).

Получалось, что партийные органы определяли уровень карательной политики судебных инстанций: кого посадить и на какой срок. Они же вскрывали негативные моменты в заготовках, хотя сами же нацеливали сельские советы на выполнение плана любой ценой.

В правоприменении по закону от 7 августа 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) взяло на себя функцию особого суда по оценке судебных приговоров к высшей мере наказания. 16 сентября 1932 г. оно приняло инструкцию «По проведению в жизнь закона об охране общественной собственности». По инструкции, Верховный суд СССР и Верховные суды союзных республик наделялись правом выносить свое решение об утверждении или отмене приговоров к высшей мере наказания в течение 48 часов после получения дела. Эти приговоры приводились в исполнение немедленно после положительного решения высшей судебной инстанции и коллегии ОГПУ.

При размахе репрессий в связи с августовскими законами ни о каком тщательном рассмотрении дел и речи быть не могло. Хотя в

половине случаев наказание было снижено, но немало оказалось и тех, кто пострадал безвинно.

Из Верховного суда СССР и ОГПУ информация дважды в месяц должна была поступать в Политбюро. Запрещалось печатать в газетах отчеты о судебных заседаниях по делам о хищениях и сообщения о вынесенных приговорах (7). Следовательно, было что скрывать, когда тысячи дел по данному закону рассматривались наспех, чтобы уложиться в отведенные сроки.

О том, как действовали партийные органы в период массовых репрессий, можно проследить на примере Свердловского обкома партии. 20 сентября 1937 г. Свердловский обком ВКП(б) принял постановление «О процессах над вредителями в сельском хозяйстве» (8). Как видно из этого документа, обкомом не устанавливались меры наказания, но рекомендовалось партийным комитетам вести разъяснительную работу среди населения, возбуждая ненависть к врагам народа. Отклики на такие преступления можно было без труда предсказать – требование высшей меры наказания.

Итак, проведенный далеко не полный анализ влияния партийных структур на органы прокуратуры и правосудия, позволяет считать, что это воздействие было несоизмеримо великим. Партийные комитеты постоянно вмешивались в правоприменительную практику, в решение кадровых вопросов. Чаще всего усиление нажима на органы юстиции проходило в периоды заготовительных кампаний, борьбы с хищениями общественной собственности и массовых репрессий 1937-1938 гг.

Давление на работников суда и прокуратуры было как непосредственное, так и опосредованное. Из партийных органов исходили установки упрощения обязательных процессуальных норм, ускорения следствия и судебного разбирательства.

Идеи революционной целесообразности воплощались и в руководстве компартии органами юстиции. Партийная элита определяла, что являлось законным, а что нет. Так называемые перегибы, другие ошибки и недостатки признавались исключением при правильном, в целом, курсе строительства социализма.

1. Вышинский А. О революционной законности и задачах работников юстиции. Воронеж, 1932. С. 11, 16.

2. Вышинский А. Я. Советская прокуратура и ее задачи. М., 1934. С. 36.

3. Еженедельник советской юстиции. 1929. №9-10. С. 211.

4. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 62. Л. 21.

5. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 390. Л. 143 об.
6. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 33. Л. 9.
7. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 61-62.
8. Колхозная жизнь на Урале. 1935-1953 / Сост. Г. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М., 2006. С. 71.

Филиппова О.С.
(Нижний Тагил)

Образ войны в русской истории

Сегодня в свете событий внешнеполитического курса, особую актуальность приобрела тема имиджа России в пространстве международной политики.

Отвечая на вопрос о стратегии выстраивания образа нашего государства в глазах мировой общественности, председатель правительства Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что впору зарубежным государствам подумать о том, как складывается восприятие Россией зарубежных стран.

Что читается в данном жесте? Игра мускулами. Популизм, ориентированный на приятие российским народом образа сильной власти. Претензия на доминирование в международной политике, с опорой на имеющийся потенциал... Таки или иначе, Россия активно включена в систему международных отношений и немаловажно, как оценивает нас мир.

Не претендуя на исключительность и истинность предложенной точки зрения, обратимся к анализу доминант российской истории, а именно, тех точек бифуркации, пройдя которые Россия вошла в современность. Попытаемся рассмотреть, какие факторы, формировали имидж Руси, России, Советского Союза, Российской Федерации на протяжении столетий.

Российская история – пример перманентного балансирования между Западом и Востоком, постоянного поиска исключительности, самодостаточности, идентичности, но в то же время признания и приятия на уровне международной политики.

В глянцевах журналах начинающим светским львицам дают совет: пока не найден собственный стиль, дабы не выглядеть нелепо, целесообразно эксплуатировать модные образы, снискавшие